

любви при покаяніи восполняются благодатию Св. Духа, даруемаго чрезъ Церковь въ таинствахъ. Впрочемъ прежде, нежели мы перейдемъ къ ученію о таинствахъ и обрядахъ, посмотримъ, чѣмъ замѣняется въ передѣланномъ евангеліи ученіе о Церкви. Церковь отвергается имъ, она признается за понятіе противорелигіозное и безнравственное, а тѣ изреченія Иисуса Христа, которыя мы относимъ къ Церкви, разъясняются въ иномъ смыслѣ. Ученіе Его о лозѣ и вѣтвяхъ толкуется въ томъ значеніи, что жизнь и духъ всѣхъ людей есть единый; люди не имѣютъ самостоятельной, личной и свободной жизни, но всѣ суть проявленія, или вѣточки, одной жизни, одного дерева. Потому они и должны любить другъ друга, что они всѣ суть одно и то же, во всѣхъ нихъ живетъ Богъ, Онъ же и Сынъ человѣческій, т. е. одинъ и тотъ же духъ. Бога нѣтъ внѣ людей, Онъ—въ людяхъ; люди—это тотъ же Сынъ человѣческій, Богъ, а каждый человѣкъ—лишь моментъ его жизни; человѣкъ есть отдѣльная личность, пока живетъ, а когда умретъ и уничтожится, то присущія ему частички Божества разойдутся по другимъ людямъ. Итакъ, отдѣльныхъ свободныхъ личностей нѣтъ, а есть одно и то же Божество; поэтому, любя другихъ, человѣкъ собственно любить самого себя, и поэтому самая сущность вещей требуетъ, чтобы онъ любилъ своихъ ближнихъ. Итакъ, люди и Церковь едино не потому, что Христова истина, Христовъ крестъ и Христова любовь создали это единство, а потому, что отдѣльныхъ людей и нѣтъ; они едино не настолько, насколько во имя свободной любви отказываются отъ себялюбія и соединяются съ Церковью, а настолько, насколько вовсе лишены Творцемъ всякой самостоятельности.

Теперь судите, какое единство, православное, или это новое, возвышеннѣе и святѣе? Свободное, или необходимое? Если я люблю ближняго, потому что онъ — тотъ же я, то свята ли моя любовь? Стоитъ ли ради такой себялюбивой любви бороться? Можно ли ею-то воодушевляться? Богъ устроилъ такъ человѣческую природу, что умъ нашъ не можетъ принять и одобрить любви несвободной, любви, исходящей не изъ личнаго самоотверженія, но изъ необходимости, не можетъ одобрить любви къ самому себѣ. Вотъ почему мы хотя одобряемъ любовь семейную, но всегда съ большимъ уваженіемъ относимся къ любви между чужими, потому что здѣсь больше свободы, меньше природы. Поэтому един-